

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ УРБАНИЗАЦИИ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Проанализирован гендерный аспект миграции эвенов и коряков из мест кочевий и сел в урбанизированные населенные пункты Магаданской области. Выявлен гендерный сдвиг на рубеже «село/райцентр». Этот сдвиг показан в виде «лестницы урбанизации», которая демонстрирует резкое возрастание удельного веса женщин в гендерной структуре от кочевья к городу. Прослежены гендерные различия в уровне образования коряков и эвенов. Женщины-эвенки оказались заметно более образованными по сравнению с мужчинами-эвенками, а среди коряков образовательное преимущество женщин выражено слабо. Переселение женщин-аборигенок в райцентр вызвано их родительской ответственностью (желание проживать совместно с детьми-школьниками) и возможностью реализовать материнский капитал (стоимость двухкомнатной квартиры равна этой сумме). Преобладание женщин в райцентре коррелирует с их более высоким, чем у мужчин, уровнем образования. Однако в городе гендерный разрыв в образовательном статусе инвертирует в пользу мужчин. Движущими мотивами переселения в областной центр являются предпочтение женщинами городского образа жизни и стремление использовать брак с представителями некоренных этносов как канал социальной мобильности.

Ключевые слова: Магаданская область, эвены, коряки, урбанизация, гендерный сдвиг, уровень образования, межэтнические браки.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.6

**L. N. Khakhovskaya. Gender aspect of the urbanization process
of indigenous people in Magadan region**

The purpose of the article is to analyze the gender aspect of Even and Koryak people migration from nomad locations and villages to urban localities of Magadan region. A gender shift is determined on the edge of village/district center. This shift is shown as an “urbanization ladder” that demonstrates sharp increase of density of women gender structure between nomad areas and urban locations. Also, the gender diversity in the education level between Koryak and Even people is revealed. Even women are significantly more educated than Even men; whereas there isn’t significant difference in education level between Koryak women and men. Aborigine women migration to district centers is caused by their parental responsibility (desire to live together with their children) and opportunity to receive “mother fund” reward (which could be converted into a two-

room apartment cost). Women dominance in district centers is correlated with their education level advantage over men. However the educational gender gap in cities inverts in favor of men. The motivation for city or regional centers migration among women can be explained by a city lifestyle preference and advantageous interethnic marriages with non-locals.

Key words: Magadan region, Even, Koryak, urbanization, gender shift, education level, interethnic marriages.

Введение

Во второй половине XX в., а в некоторых российских (советских) регионах и ранее, в среде коренных малочисленных народов Севера (КМНС) возникло социальное явление, получившее в современной сибирской антропологии наименование гендерного сдвига [Povoroznyuk et al., 2010]. Под гендерным сдвигом подразумевается переселение женщин-аборигенок из тундры и тайги в поселки и города и возникающее в результате этого специфическое гендерное разделение пространства [Лярская, 2010: 3]. Причины гендерного сдвига, по мнению исследователей, заключаются в резких расхождениях (асимметриях) жизненных приоритетов женщин и мужчин из числа КМНС. Выделяют три взаимосвязанные асимметрии: в образе жизни, в брачном поведении, в уровне образования [там же: 7].

Среди мужчин значительно выше доля тех, кто трудится в тайге и тундре и продолжает кочевать, чем среди женщин, которые все больше предпочитают оседлый образ жизни. За годы социалистических и рыночных реформ существенно изменилась инфраструктура оленеводства в региональных экономиках: функции по обслуживанию пастухов в значительной мере взяли на себя специальные службы. Поэтому мужчина реально может кочевать и без женщины, традиционная роль которой как хозяйки очага и жилища заменена оплачиваемой трудовой позицией «чумработницы» [Tuisku, 2001; Vitebsky, Wolfe, 2001; Vitebsky, 2005]. Такая официальная замена не смогла, конечно, трансформировать существенные гендерные взаимоотношения и зависимости в оленеводческом коллективе, поскольку «чумработницами» становятся не по найму, а только по родству, — это жены, матери, сестры и дочери пастухов.

Профессиональную диспропорцию усугубляет диссонанс в брачных предпочтениях: если мужчины-аборигены, как правило, выбирают свою вторую половину в собственной этнической среде, то женщины часто находят супруга среди так называемого пришлого населения. Наконец, женщины-аборигенки имеют более высокий уровень образования, чем мужчины, и даже формируют «женское лицо» северной интеллигенции [Бурыкин, 1999]. Все эти явления, налагаясь друг на друга, приводят к резкому гендерному сдвигу, который отмечается исследователями по всему российскому Северу (за исключением Ямала) [Лярская, 2010]. Но, говоря о диспропорциях, авторы не прослеживают их на всей пространственной цепочке — от оленеводческого стойбища до города. Между тем исследование гендерных соотношений в такого рода локальном разрезе поможет убедиться, существует ли явление гендерного сдвига в конкретном регионе и насколько оно выражено; позволит определить его этническую специфику, если дело касается разных аборигенных сообществ; а также увидеть, имеют ли место гендерные различия в образовательном статусе аборигенов в зависимости от места их проживания.

Методика исследования

Цель моей работы заключается в установлении гендерного и образовательного профиля аборигенного населения, локализованного в таких пунктах (местностях) Магаданской области, как кочевье, село, районный центр (поселок городского типа), город. В качестве данных пространственных локусов выступают центр области (г. Магадан), центр Северо-Эвенского района (пос. Эвенск), два примерно равных по численности села в этом районе — одно из них корякское (Верхний Парень), другое эвенское (Гарманда), оленеводческие коллективы (8 бригад), кочующие в Северо-Эвенском районе.

Следует сказать, что Северо-Эвенский район выбран по двум причинам. Во-первых, только в этом субрегионе Магаданской области еще сохраняется оленеводство (на 1 января 2010 г. имелось примерно 20 тыс. голов домашних оленей). Во-вторых, здесь проживают два оленеводческих этноса — эвены и коряки, тогда как в других субрегионах области из народов, занимающихся оленеводством, представлены только эвены. Поскольку речь идет о сознательном поселенческом и трудовом выборе, а также возможности получить законченное среднее образование, подсчеты коснулись только взрослых лиц (18+). Для исследования взята выборка, в которую вошли все взрослые представители аборигенов, проживающие в избранных для анализа населенных пунктах (всего 1067 чел., из них 428 коряков и 639 эвенов). Этот массив составляет не менее четверти взрослых аборигенов области, что обуславливает его репрезентативность.

Источником исследования послужили сведения текущих архивов соответствующих администраций, которые представляют собой списки сплошного учета аборигенов с указанием даты рождения, места работы и образования (данные на 1 января 2010 г.). Для всех звеньев исследуемой транслокальной цепочки установлены численные показатели, выраженные в относительных величинах (долях), что позволяет проводить сравнение в гендерном, этническом, образовательном и поселенческом профилях. Последний профиль имеет четыре позиции (соответственно избранным местностям), все прочие бинарны по естественной причине (гендер) или в силу исторически сложившихся обстоятельств (этнос). Что касается уровня образования, то на основании предварительных оценок он также продифференцирован в дуальной оппозиции «среднее и выше / неполное среднее», поскольку именно здесь пролегает основной количественный «водораздел». В исследовании, кроме того, использованы полевые материалы автора (2002—2012 гг.) — результаты непосредственных наблюдений, бесед с информантами.

Результаты исследования

Пропорция «мужчины/женщины», установленная на основе сплошного учета всех взрослых аборигенов, проживающих в избранных местностях, наглядно показывает «лестницу урбанизации», ступени которой образуются за счет резкого возрастания удельного веса женщин в гендерной структуре населения от кочевья к городу (областной центр) (рис. 1). Расчет относительной координаты показывает, что на 100 мужчин приходится следующее число женщин (в разрезе «коряки/эвены»): в тундре — 30/31; в селах — 92/80, в районном

центре — 162/150, в городе — 252/208. Очевидно, что ни в одной локации соотношение полов у аборигенных народов не является оптимальным: в оленеводческих бригадах и селах женщин слишком мало, а в городской местности, напротив, избыток; при этом гендерный сдвиг у коряков проявлен резче, чем у эвенов.

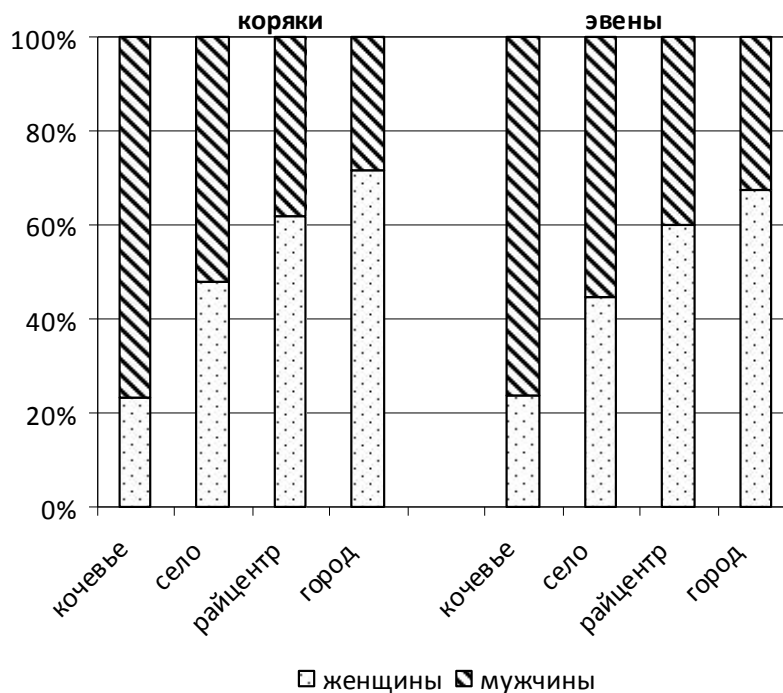

Рис. 1. Гендерная структура аборигенного населения, проживающего в различных местностях

Таким образом, мы видим, что стремление к улучшению комфортности проживания и ориентация на неолениводческую занятость в гораздо большей степени свойственны женщинам, они первыми покинули пастушеские коллективы. Резкая гендерная диспропорция приводит к распространению такого социально-демографического явления, как холостячество оленеводов. В настоящее время имеются даже чисто мужские бригады, чего раньше никогда не было. Пастухам приходится переходить на самообслуживание, за это они получают доплаты за счет ставок отсутствующих «чумработниц». Крайне немногочисленные женщины, еще кочующие в тундре (официально именуемые оленеводами 5-го разряда), — это жены или, реже, матери пастухов. В их обязанности входит обслуживание двух оленеводов, однако если семья проживает в отдельном жилище (палатке), то женщина заботится преимущественно о своем муже (сыне). К тому же речь здесь идет о текущей «домашней» работе (обустройство палаток, приготовление пищи, мелкий ремонт одежды), что же касается пошива меховых изделий, потребность в которых все еще велика, то эту работу по индивидуальным заказам выполняют, как правило, аборигенки-мастерицы, проживающие в селах или райцентре.

Гендерный сдвиг для самого аборигенного сообщества ощутимо болезнен именно в оленеводческих бригадах и сельской местности, т. е. там, где проживают (в основном или исключительно) одни аборигены. Ущемленной стороной здесь являются мужчины: им попросту не хватает невест. Но и миграция в райцентр и город, где женщин-аборигенок значительно больше, далеко не всегда решает проблему из-за асимметрий в брачных предпочтениях. Что же касается женщин, то гендерный «перекос» не мешает им устраивать личную судьбу. В оленеводческих стойбищах и селах у них всегда находятся поклонники из собственной этнической среды, а в городской местности возникающую диспропорцию компенсирует вмещающий социум: переселяющиеся сюда женщины коренной этнической принадлежности обычно создают семейные союзы с представителями неаборигенного населения.

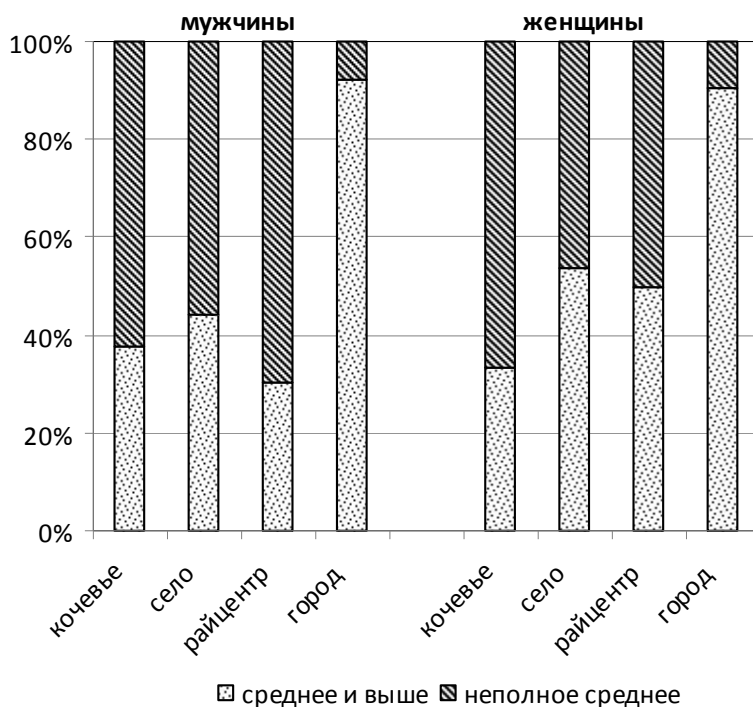

Рис. 2. Гендерное распределение лиц по уровню образования среди коряков

Связь процессов урбанизации и интенсификации общего и профессионального обучения аборигенов не подлежит сомнению, однако имеет свою специфику в гендерном и этническом плане. У коряков доля женщин с образованием «среднее и выше» превосходит соответствующую долю мужчин только в селе и районном центре, причем лишь в последнем случае это превосходство достаточно существенно (рис. 2), хотя в целом женщины более образованны, чем мужчины. Вместе с тем в локусе «райцентр» повышающий тренд «лестницы урбанизации» не коррелирует с транслокальной динамикой образовательного

профиля — напротив, наблюдается провал, особенно заметный у мужчин. Следовательно, переселение коряков, в том числе женщин, в районный центр не связано напрямую с повышением уровня их образования, тогда как в города редко переезжают те из них, кто не закончил среднюю школу.

По нашему мнению, притягательность районного центра для женщин-корячек (которых здесь в 1,6 раз больше, чем мужчин) все же связана с образовательным процессом, но эта зависимость принимает форму отсроченного социального вклада, в котором ведущую роль играет как сознательный выбор, так и открывшиеся финансовые возможности. Осознавая важность получения детьми среднего образования (такая школа имеется только в райцентре) и стремясь не разлучаться с ними, женщины решаются на переезд из села в райцентр, тем более что в последние годы женской мобильности сильно способствует реализация материнского капитала, размер которого достаточен для покупки двухкомнатной квартиры в пос. Эвенск. Такие семьи часто сохраняют связь с местами выхода в виде сезонной маятниковой миграции: летом, во время школьных каникул, родители с детьми приезжают в села, занимаются там собирательством, огородничеством, рыбным промыслом (см.: [Хаховская, 2015: 135]). Эта двойная связь (наличие жилья в райцентре и практики природопользования в селе) закрепляет коряцкие семьи в целом и женщин в частности в пределах Северо-Эвенского района. Как я покажу ниже, доля горожан среди коряков существенно меньше, чем среди эвенов.

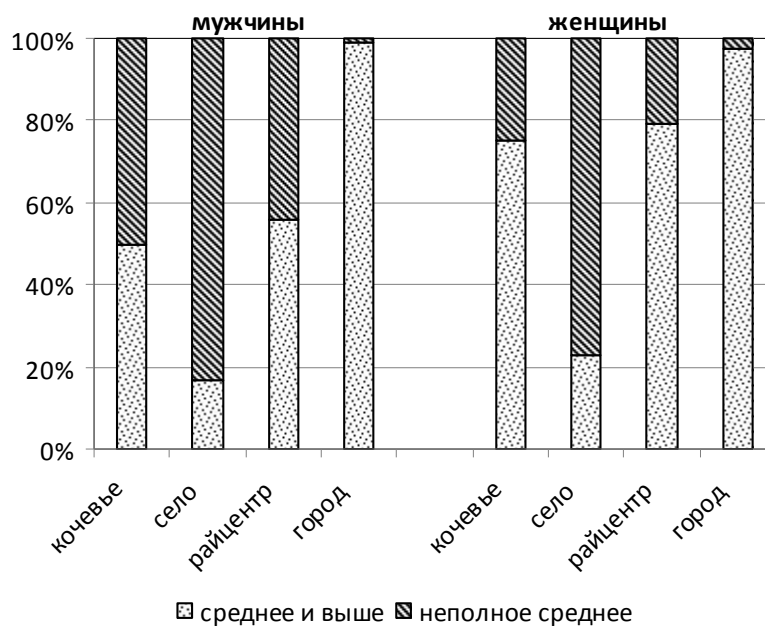

Рис. 3. Гендерное распределение лиц по уровню образования среди эвенов

В эвенском сообществе картина сложилась несколько иная. Уровень образования оленеводов-эвенов выше, чем коряков, а если взять только женщин, то картина получится еще более асимметричной. Женщины-эвенки существенно превосходят мужчин собственной этнической группы по уровню образования в оленеводческих бригадах и районном центре, в селе этот перевес незначителен,

а в городе женщины немного уступают мужчинам (рис. 3). Образовательные профили обоих гендеров показывают повышение от кочевья к городу, но имеют сильный провал в локусе «село». Другими словами, эвены с неполным средним образованием (как мужчины, так и женщины) по какой-то причине «застревают» в сельской местности, в то же время основную часть и кочевниц, и жительниц райцентра и города составляют женщины высокого образовательного статуса. Такое положение имеет место потому, что женщины-эвенки вообще заметно более образованны по сравнению с мужчинами-эвенками, и этим эвенское общество отличается от корякского, где образовательное преимущество женщин не так выражено, а в некоторых местностях отсутствует.

В целом можно сказать, что вектор гендерного сдвига коррелирует с направлением динамики образовательного транслокального профиля женщин-аборигенок, но все же межгендерные различия в уровне образования не столь резки, особенно у коряков, чтобы только этим можно было объяснить численное преобладание женщин среди аборигенов в райцентре и городе. По-видимому, движущим мотивом является не столько образовательная асимметрия гендерного сдвига, сколько два других ее вида, т. е. предпочтение женщинами городского образа жизни и нацеленность на создание брака с представителями некоренных этносов. Причины различающейся мобильности женщин можно усмотреть и в других факторах социально-экономического и культурного плана, которые имеют этническую специфику. Большую роль играет межпоколенная передача образовательного статуса. По результатам бесед с женщинами-аборигенками у меня сложилось впечатление, что корячки в большей степени настроены на то, чтобы их дети получили среднее и среднеспециальное образование, а эвенские женщины чаще мотивируют своих детей на обучение в вузах, которые имеются только в областном центре.

Важную роль, кроме того, играет наличие работы и характер трудовой занятости. Исследования показывают, что в Северо-Эвенском районе официальная трудоустроенность эвенов на 30 % выше, чем коряков. Коряки чаще трудятся там, где не требуется высокая квалификация, а также работают неофициально на различного рода «шабашках» [Хаховская, 2007: 100]. Официально занятые эвены поэтому не столь активны, как коряки, в плане возвратной маятниковой миграции в села и далеко не так часто практикуют присваивающее природопользование. Таким образом, у эвенов меньше связующих нитей с местами выхода, что позволяет с меньшим ущербом мигрировать за пределы района.

Право распоряжения материнским капиталом, дающее женщинам дополнительную степень мобильности, действует также избирательно и в пространственном, и в этническом разрезе. Семьи коряков более многодетны, чем эвенов [там же: 101], поэтому корячки чаще получают материнский капитал, который, как правило, направляют на покупку жилья в райцентре, поскольку возможности добавить средства и приобрести недвижимость за пределами района, где ее стоимость существенно выше, они лишены. Все эти факторы, усиливая друг друга, удерживают коряков преимущественно в районном центре, тогда как эвены в большей степени нацелены на сквозную восходящую миграцию с конечным пунктом в городе, что и показывает пространственная локализация представительниц этих двух этнических сообществ (рис. 4).

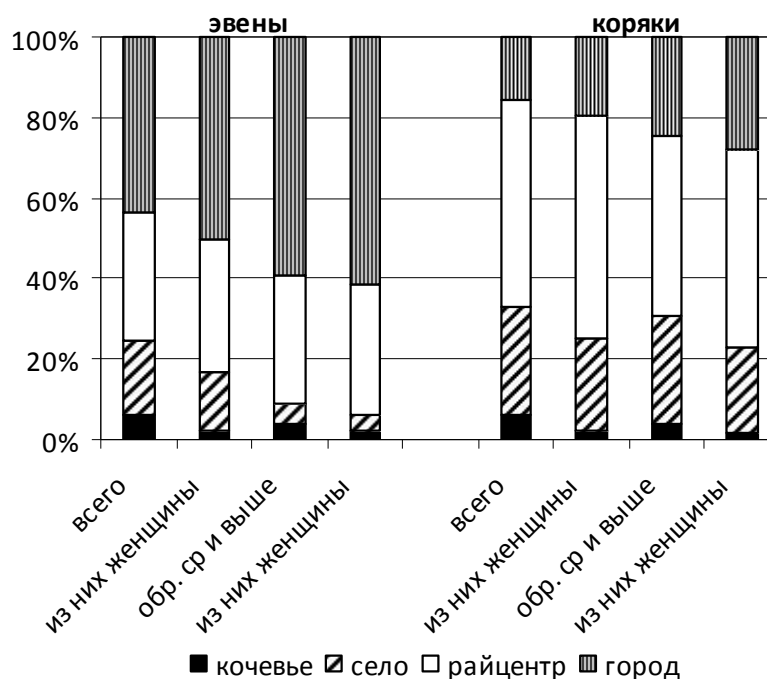

Рис. 4. Доля лиц, проживающих в различных местностях

Заключение

Основываясь на пространственном распределении лиц из взятой нами выборки, можно видеть, что эвены в целом предстают этносом гораздо более урбанизированным, чем коряки. Вместе с тем оба этноса демонстрируют ярко выраженное «женское лицо» аборигенной урбанизации, т. е. численное преобладание женщин над мужчинами среди аборигенов в районном центре и городе. Именно женщины первыми покидают кочевье и село, а в случае с эвенками и райцентр. На рубеже «село/райцентр» происходит инверсия гендерной диспропорции в пользу женщин. Что касается корреляции гендерного сдвига с гендерными различиями в уровне образования, то она не столь существенна, как можно было бы ожидать. Образованные аборигенки, конечно, стремятся в город, однако их доля высока и в райцентре, и даже в оленеводческих бригадах (у эвенов). Следовательно, сам по себе образовательный статус ярко выраженных урбанистических устремлений не вызывает, здесь действуют другие мотивы — выстраивание личностных (в том числе брачных) связей за пределами собственного этнического сообщества, родительская ответственность (стремление не разлучаться с детьми школьного возраста), возможность реализовать материнский капитал (особенно в райцентре).

В настоящее время именно горожане оказываются наиболее характерными представителями аборигенов [Поворознюк, Функ, 2016: 6], хотя весьма часто члены вмещающего сообщества склонны мыслить о коренных жителях как о далеких и «других» в пространственном и культурном отношении. Между тем

процессы урбанизации накладывают отпечаток на культурный облик аборигенного сообщества, его социальную и демографическую структуру, режимы мобильности и этнического активизма. Исследователи констатируют, что во всех северных регионах (как российских, так и зарубежных) в урбанизацию вовлечены прежде всего женщины [Швайцер, 2016: 18] и наиболее заметные процессы развития аборигенных культур разворачиваются на городской «сцене» [Хаховская, 2014: 40]. Гендерный пространственно локализованный сдвиг приводит к такой ситуации, что активистами в этнокультурной сфере становятся городские и поселковые женщины, а мужчины, кочевники и промысловики, продолжают играть ведущую роль в аборигенном природопользовании. Эти два режима этноориентированной деятельности, диктуемой традициями и унаследованным культурным багажом, все больше отрываются друг от друга в числе прочего и по причине выраженной гендерной переспециализации.

Библиографический список

- Бурыкин А.* «Женское лицо» интеллигенции современных малочисленных народов Севера России и взгляд на традиционную культуру // *Женщина в мире мужской культуры: путь к себе: материалы Международной научной конференции*, 15—17 июля 1999 г. СПб., 1999. С. 39—42.
- Ляская Е. В.* Женщины и тундра. Гендерный сдвиг на Ямале? // *Антропологический форум*. 2010. № 13. С. 3—38.
- Поворознюк О. А., Функ Д. А.* Урбанизация и коренные народы Севера: введение к теме номера // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 1. С. 5—9.
- Хаховская Л. Н.* Современное социально-экономическое положение аборигенов Северо-Эвенского района Магаданской области // *Вестник Северо-Восточного научного центра Российской академии наук*. 2007. № 4. С. 98—104.
- Хаховская Л. Н.* Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // *Сибирские исторические исследования*. 2014. № 2. С. 39—59.
- Хаховская Л. Н.* Культура этнолокального сообщества: (коряки села Верхний Парень). Магадан, 2015. 258 с. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/154193032.pdf> (дата обращения: 21.02.2016).
- Швайцер П.* Коренные народы и урбанизация на Аляске и на Канадском Севере // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 1. С. 10—22.
- Povoroznyuk O., Habeck J., Vaté V.* On the definition, theory, and practice of gender shift in the North of Russia: introduction // *Anthropology of East Europe Review*. 2010. Vol. 28, № 2. P. 1—37.
- Tuisku T.* The displacement of nenets women from reindeer herding and the tundra in the Nenets autonomous okrug, Northernwestern Russia // *Acta Borealia*. 2001. Vol. 18, № 2. P. 41—60.
- Vitebsky P.* *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia*. London: Harper Collins, 2005. 464 p.
- Vitebsky P., Wolfe S.* The separation of the sexes among siberian reindeer herds // *Sacred Custodians of the Earth? Women, Spirituality and Environment* / ed. by A. Low, S. Tremayne. New York: Berghahn Books, 2001. P. 81—94.

References

- Burykin, A. (1999) “Zhenskoe litso” intelligentsii sovremennykh malochislennykh narodov Severa Rossii i vzgliad na traditsionnuiu kul’turu [“Women face” of modern minorities intellectuals of the Russia North and its view on the traditional culture], in: *Zhenshchina v mire muzhskoi kul’tury: put’ k sebe: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 15—17 iulia 1999 goda, St. Petersburg, pp. 39—42.
- Khakhovskaia, L. N. (2007) Sovremennoe sotsial’no-ekonomicheskoe polozhenie aborigenov Severo-Ėvenskogo raiona Magadanskoĭ oblasti [The modern social-economical status of indigenous population in the North Even area of Magadan region], *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra Rossiĭskoi akademii nauk*, no. 4, pp. 98—104.
- Khakhovskaia, L. N. (2014) Aborigeny v gorode: ětnokul’turnyĭ oblik zhitelei Magadana [Aborigines in the city: the ethno-cultural profile of residents of Magadan], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 39—59.
- Khakhovskaia, L. N. (2015) *Kul’tura ětmo lokal’noĭ soobshchestva: (Koriaki sela Verkhniĭ Paren’)* [Culture, ethnic and local community: (Koryak village Top Guy)], Magadan, available from <http://www.rfh.ru/downloads/Books/154193032.pdf> (accessed 21.02.2016).
- Liarskaia, E. V. (2010) Zhenshchiny i tundra. Gendernyĭ sdvig na Iamale? [Women and tundra. The gender shift in Yamal?], *Antropologicheskii forum*, no. 13, pp. 3—38.
- Povorozniuk, O. A., Funk, D. A. (2016) Urbanizatsiia i korennye narody Severa: Vvedenie k teme nomera [Urbanization and the indigenous peoples of the North: An introduction to the theme of issue], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 5—9.
- Povoroznyuk, O., Habeck, J., Vaté, V. (2010) On the definition, theory, and practice of gender shift in the North of Russia: Introduction, *Anthropology of East Europe Review*, vol. 28, no. 2, pp. 1—37.
- Shvaĭtser, P. (2016) Korennye narody i urbanizatsiia na Aliaske i na Kanadskom Severe [Indigenous peoples and urbanization in Alaska and the Canadian North], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 10—22.
- Tuisku, T. (2001) The displacement of Nenets women from reindeer herding and the tundra in the Nenets autonomus okrug, Northernwestern Russia, *Acta Borealia*, vol. 18, no. 2, pp. 41—60.
- Vitebsky, P. (2005) *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia*, London: Harper Collins.
- Vitebsky, P., Wolfe, S. (2001) The Separation of the sexes among Siberian reindeer herdes, in: Low, A., Tremayne, S. (eds), *Sacred Custodians of the Earth? Women, Spirituality and Environment*, New York: Berghahn Books, pp. 81—94.

Статья поступила 10.05.2016 г.